

12+

Ирина КОСТЕВИЧ

Йокин в Москве

Ирина Костевич
Йокин в Москве

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Костевич И.

Йокин в Москве / И. Костевич — «ЛитРес: Самиздат», 2015

ISBN 978-5-532-04890-4

Йокин - это плюшевый паучок. У него плохо с дисциплиной и логикой, но в остальном он хорош. В Москву Йокин попадает, чтобы спасти потерявшегося деда Мишу - любимого плюшевого медведя семьи. В основу книги легли документальные факты о похождениях паучка и его знакомстве с основными московскими медведями. В 2016 году повесть "Йокин в Москве" попала в "Длинный список" Всероссийского конкурса на лучшее произведение для детей и подростков "Книгуру". Автор - член Союза российских писателей.

ISBN 978-5-532-04890-4

© Костевич И., 2015
© ЛитРес: Самиздат, 2015

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	8
***	9
Глава 4	11
***	12
Глава 5	13
Глава 6	15
***	16
***	17
Глава 7	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Глава 1

Сидели на диване. Молчали.

Потом кот заговорил:

– Ну, а у тебя есть дело, ради которого ты появился на свет?

Паучок только лапой махнул. Ненароком поймал муху.

Серый кот протянул салфетку:

– Извинись перед мухой, отпусти и вытри лапу!

– Как я ей вытру, если отпущу? Вытирать, так уж все. Они где только не ходят, мухи!

Никого не дожидаясь, муха выбралась на свободу сама. Скорчила Йокину с Рыбцом злую рожу, гордо полетела. Врезалась в закрытую форточку, упала. И сидела теперь на подоконнике, жужжа нехорошие слова.

– А там, куда ты едешь, вообще мухи цэцэ летают! Вот надо тебе? – пробормотал Йокин, глядя в пол.

– Я ж сказал: предназначение! У каждого должно быть. Моё – помогать пострадавшим. А муха цэцэ – это мелочь и ерунда против Общества Красного Креста и Полумесяца.

Муха Комнатная оскорбилась. Полетела с подоконника атаковать. Рыбчик отмахивался, закрывался. Но муха как осатанела.

– Зря ты её жалел. Видишь, что творит?

– Это ей нужна психотерапия... – отвечал котик.

Про «психо...» мухе тоже не понравилось. Однако дожужживала она опять в кулаке Йокина.

– Хорошо, – сдался кот. – Не отпускай. Давай посадим её в банку и накормим вареньем. Она подберет и станет не такой базарной.

***

«Много же варенья придётся Рыбчику тащить с собой в Африку» – Йокин болтал четырьмя задними лапами и тёр глаза четырьмя передними. Текли слёзы. Конечно, он говорил, что опять аллергия...

Муха в банке, объевшись сладкого, задремала. Ей снилось, что она белая птица между прошлым и будущим. Рыбчик снова проверял по списку, всё ли взял из нужного. Лекарства, ноутбук, варенье из лепестков роз, ежевичное, урючное. Чесалка для головы...

– Думаешь, тебя и почесать будет некому... – как мог весело проговорил Йокин.

– Не-ет. Это же я беру для того, чтобы самому кого-то чесать. Терапия!

Пора уже объяснить: Рыбчик улетал в Африку – выполнять ответственную миссию общества Красного Креста и Полумесяца. А позвала его туда давняя парижская знакомая, девушка с каверзным именем Алуа. Теперь плюшевый кот будет помогать справляться с душевными волнениями тем, кому это надо. С его-то тактом и мягкостью Рыбчик надеялся стать важным звеном поддержки несчастных и воцарения мира в их внутреннем мире.

Хозяйка серого кота, Маша, гордилась им, конечно. Поэтому и разрешила ехать. С условием, чтобы не забывал, писал ей часто и возвращался в марте. И любил сильнее, чем эту парижскую А-лу-а.

Жаль, проводить Рыбчика Маша не успела: сама улетела. Только не на юг, а на север, в Москву. Сопроводить старенького деда Мишу, медведя. У него нашёлся родственник. Да как нашёлся-то! Через сайт поиска «Медвежья кровь».

Рыбцу позвонили: подъехало такси. Кот с паучком обнялись. Йокин уже не сдерживал слёз. Взволнованный кот быстро всплакнул в ответ. Но тут же прекратил. Он ведь стоял на рубеже нового. И готовился туда попасть – а это как впервые залезть на элеватор.

– Но ты обязательно найди своё предназначение и мечту! – обернулся с порога Рыбчик. – Мечта необходима для жизни!

Глава 2

Мохнатый брат деда Миши, Владимир Евгеньевич, был коренным москвичом. Вместе с супругой Нонной служил в квартире-музее. Самом лучшем музее Москвы. Снаружи персиковый дом не привлекал внимание. Но внутри всё было наособицу. Например, в гостиной музея окно смотрело прямо с потолка.

Владимир Евгеньевич по-музейному трепетно относился к родственникам. Составил генеалогическое древо. На этом древе плюшевые мишки сидели на ветвях, как воробушки – не меньше полусотни плюшевых мишек. Много, да не все. Теперь, с обретением нового брата, Владимир Евгеньевич наслаждался завершением труда. А также – мыслью о том, как обнимет незнакомого пока Михаила Евгеньевича. По-медвежьки обнимет, от души.

На фотографии Михаил Евгеньевич был явно их породы! Добрая морда, желтоватые белки глаз, скруглённые уши. Но главное – цвет. Только у них в роду медведи получались краснобуро-оранжевыми.

Владимир Евгеньевич и Нонна предавались мечтам и строили планы. А посетители музея рассматривали экспонаты. И радовались, что у медведей, сидящих за столиком в бывшей детской квартиры-музея, такой одухотворённый вид.

***

Старый Миша не летал на самолётах лет сорок. Вот и ликовал, что снова на земле. Да ещё и в Москве. Почти. В Домодедово.

И пусть сидел он в тесной сумке, вдали от сопровождавшей его Маши. Всё же с минуты на минуту ждал встречи с ней. Да, Миша пока – багаж, а Маша – пассажир, но это всё условности. Совсем скоро его вытащат из сумки, погладят и поговорят. И всё станет правильно. Но только минут становилось больше, они начинали складываться в часы. А сумка так и не попала на багажную ленту в аэропорту, чтобы быть узанной и забранной хозяйкой. Мише стало тесно, скучно и тревожно одновременно. Да, он почти в Москве, и брат Володя поглядывает, наверное, на будильник. И вот...

Может, не все знают (а если лично вы знаете, то притворитесь, пожалуйста, что не в курсе) – Домодедово знаменито на весь мир ещё и тем, что здесь по-другому расположено пространство. Оно как-то завихряется. В итоге объявления не доходят до тех, кому предназначены, регистрация на рейсы таинственным образом переносится. А багаж, как в случае с Мишей – теряется. Дело тут не в промахах работников аэропорта, что вы! Просто есть сила куда могущественнее. Она-то и мутит воду в этом омуте, да позволено будет назвать так сей важный узел воздушных сообщений. И силы этой немало. Вся – нечистая, пока не прорвётся в какой-нибудь душ или, на худой конец, в туалет, и не намылится там, как следует.

Вот и Мишу закрутило в этом водовороте непонятно чего. А выбросило в пустом и холодном помещении аэропорта, где сейчас остановился ремонт и только уборщицы заглядывают туда раз за смену. И то, не всегда.

Глава 3

Машуня ревела. Плач бывает разных видов. Кокетливый, словно душистый горошек. Коварный, как пырей – для того, кому плачут. И, наконец, жгучий и горький, словно алоказия (никогда не пробуйте, какова на вкус алоказия!) У Маши от слёз онемел язык и опухло горло. Сами же слёзы были нечеловечески крупны. Неудивительно: плакала-то Машенька по медведю. Сумку ей уже принесли. Со сломанным замком, испачканную. Но, вне сомнения, ту самую. Только пустую.

– Это мамин... детский... её Ми-иша...она его... всю жи-и-изнь...

– Моя ты хорошая, миленькая, ну не плачь же ты так, – белокурая женщина гладила потерпевшую по спине и волосам, жалела и готова была отдать ей все игрушки Москвы и Московской области. Лишь бы эта девчуха-дельфинюха успокоилась и перестала убиваться. Слышать, как люди плачут по-настоящему (а по-настоящему люди плачут очень редко) невыносимо. Женщина эта работала психологом и, что бы там ни твердили про быстрое «эмоциональное выгорание» в такой нервной профессии, Людмила Владимировна оставалась человеческой вопреки. В этом помогал её секрет в сумке. Да, там сидел кот. Игрушечный, с голубыми глазами и собачьим именем Дружок. Кота этого ни-ко-му Людмила Владимировна не показывала. Чтобы не дразнили.

– Будем искать твоего Мишу. Найдём, куда он денется? Везде камеры слежения, потерпи, моя дорогая. Это аэропорт, тут всегда всё находят, – уговаривала она Машу, словно баюкала. – Отыщется...

– Отыщется, – вторил в бауле Дружок. Самым милым и добрым голосом. Тоже ведь переживал: и за Машу, и за медведя.

Маша перестала плакать: «Кто там?» И Людмила Владимировна, впервые в жизни, показала кота. Чужому, в сущности, человеку.

Светло-кремовая шерсть Дружка, хоть и была красивой и густой, из-за проживания кота в сумке свалаялась. Даже голубые глаза стали почти не видны.

Дружок пошёл на руки к Маше, нежно обнял лапами за шею. Ткнулся носом в щёку. Девушке стало капельку легче.

***

Конечно, ничего такого ни Рыбчик, ни тем более Йокин предположить не могли. Йокин после отъезда Рыбца опять залез на диван и терпеливо созерцал кучу вещей, похожую на лежащего верблюда. Это то, что Рыбчик решил не брать в Африку, хотя сперва и приготовил.

Паучок думал про свою мечту... В голову ничего не приходило. «У меня слишком много идей и мечт... – наконец решил Йокин. – Поэтому они остаются лежать – ведь их невозможно сдвинуть с места. Они давят друг друга. Для осуществления мечты нужно движение и свобода. Какая ж у меня мечта? А что, всё же просто, сейчас узнаю. Что попадётся, то и подскажет».

Он подошёл к вещам, наугад вытащил из кучи что-то. Оказалось – книжку. «Искусство перформанса: от футуризма до наших дней». Вспрыгнув на диван, Йокин закинул ноги на ноги, одной лапкой подпёр голову, в другую взял книгу, третьей стал листать страницы. Четвёртой почёсывал макушку. Вне сомнений, пауки идеально созданы для чтения. Лишь бы стремились к нему.

Йокин разглядывал чёрно-белые фотографии. Непонятное нагромождение предметов не вызывало никаких чувств, кроме скуки! Паучок задумался... Если столько людей делают что-то необычное на протяжении нескольких десятилетий, а другие люди смотрят на это, обсуждают и даже вот – написали об этом книгу, так может, дело не в них, а в нём самом? Он, значит, чего-то не понимает, в чём не должен признаваться? И Йокин решил стать самым модным паучком с передовыми взглядами в области современного искусства. Особенно – искусства перформанса. Тут даже рисовать ни к чему. Главное – разрушительно-обличающие идеи. И так, он станет знаменитым мастером. И куда-нибудь, да перевернёт этот мир!

Йокин закинул книжку подальше и побежал на кухню есть оставшееся варенье. Его мечта нашлась так быстро, что даже неинтересно: «Рыбец, наверное, даже до аэропорта не доехал!»

***

Нашлась не только мечта Йокина, но и, как ни странно, дед Миша. Только нашёлся он неправильно. Потому что попал на глаза уборщице Оле. Эта самая Оля бубнила себе что-то под отёкший нос с красными прожилками. Когда она подошла поближе, медведь уже мог разобрать: женщина уговаривала себя, что, конечно же, она намного лучше коллег: нагловатой Гули и тихой Кати, которую вообще язык сломаешь, как там зовут на самом деле. Потому что Оля, хоть и выпивает иногда, но человек большой души. И не даст там всяким, да ещё уборщицам, над ней издеваться, и пусть зовут Ольгой Валентиновной, нечего! Тут Оля заметила, что в тёмном углу кто-то шевелится. «Никак – чупакабра!» – она присела от страха. «Пойду Гулю с этой, как её, кликну! А то кусанёт» – пообещала она этому кому-то углу и побежала прочь. Молоденькие уборщицы весело переглядывались и шутили про «белочку». Большой нос Оли наливался гневом, но до поры она терпела: «Я про них недавно фильм смотрела. На собак похожи, на доберманов. Только уши длинные и глаза синим светятся. И кровь они пьют, чупакабры!» Тут она ткнула пальцем в бок Кати, та вежливо взвизгнула. Как и ожидали Катя с Гулей, никакой чупакабры там, куда их повела Оля, не было. Только в дальнем углу валялся старый плюшевый медведь. «Выкинуть надо!» – проявила профессионализм Гуля. «Я те выкину! Раскомандовалась тут! Я его домой лучше отнесу, деда дразнить. У меня дед – точь-в-точь такая образина. Старый, плешивый, зенки жёлтые. Пусть на себя полюбуется! Выкинет она! Тебя б не выкинули...» И Гуля с Катипой в который раз вздохнули и сказали друг другу на родном языке, что хватит уже помогать этой противной тётке, которую они между собою называли Хазор-гейсу – Красавицей тысячи кос. Ведь Оля любила принарядиться во всё красное корот-

кое, а вместо нормальной причёски у неё были криво заплетённые африканские косички. Это так Олина племянница, начинающий парикмахер, на Оле руку набивала.

Глава 4

Людмила Владимировна могла только утешить, но найти медведя – увы, нет. Она мысленно желала девочке добра, добра и ещё раз добра, представляла, как мишка Миша попадает к людям исключительной порядочности, как они видят на нём бирочку...

– Кстати, Машенька: на нём точно ничего не было? Бывает ведь – имя или адрес...

Маша покачала головой. Опять протянула айфон. С фотографии смотрел старенький советский медведь с выбритыми полукружьями бровей.

– А особые приметы?

– Он не мог реветь. Такие мишки рыкают, если их переворачивать. А у Миши ревелка сломалась, мы так и не починили... – всхлипнула Маша. – Ну... Ещё у него голова к туловищу была пришита оранжевыми синтетическими нитками – прочными. Потому что мамин брат отрывал... – и тут она совсем разревелась, внезапно осознав всю сложность Мишиной судьбы.

– Ну-ну, не плачь раньше времени. Надо бороться! А Дружку сразу на фабрике приделали номер. Я этот номер зарегистрировала на сайте фабрики и теперь он может дружить с другими игрушками. Можно посмотреть, где они живут, куда перемещаются. Конечно, если я и другие хозяева захотим этим делиться.

– Раньше интернета не было, – прошептала Маша и прижала Дружка к себе крепко-крепко. У того аж глаза из-под шерсти вылезли. – Давайте я сейчас напишу Мишиному брату, чтобы нас не ждал... А то ведь он ещё над... наде-е-ется-я.

И свалившуюся шерсть Дружка окропили новые слёзы.

***

О том, что Миша исчез, Рыбчик, Йокин и Владимир Евгеньевич с Нонной узнали почти в одно время. Но Рыбчик был на полпути в Тунис, и всё, что ему оставалось, это нервно крутиться в самолётной коробке путешествующего кота. Йокин, последние два часа заселявший свою голову разными перформанс-идеями, пришёл к выводу, что надо делать акцию, во-первых, в Москве – там больше людей. А во-вторых, именно в Москве – потому что паучок нашёл одно самое подходящее место. Что именно задумал Йокин, пока секрет. Тем более, сейчас ему не до того. Носится по квартире, пинает диван. Растволкал спящую в банке Муху Комнатную, велел ей лететь куда-нибудь. Неважно, куда. Муха психанула и, собрав рюкзачок, исчезла.

В голове Йокина, унавоженной перформанс-идеями, не укладывалась простая, но чудовищная мысль: Миша на самом деле исчез. Так не бывает! Он же всегда был рядом. Дома...

Что касается Владимира Евгеньевича и Нонны, то они плакали, обнявшись. А остальные обитатели бывшей детской – две деревянные лошадки, ненастоящее чучело лисы, куклы и мохнатая собака с дивана – им сочувствовали. Даже решили позвать директора музея, ведь срочно надо что-то предпринимать!

***

В это время Миша принюхивался, покачиваясь в большом пакете, который несла Оля. Запах снега, селёдки и яблок. Затем пакет бросили на сиденье автобуса. «Ничего хорошего, – проворчал про себя медведь, – бензин и ароматизатор «Цитрусовый».

Опять пахло зимой, громче стал слышен гул машин. Оля куда-то спускалась, и нос медведя уловил испарения резины. Вскоре стало не холодно, но тесно. Поехали вниз, вбок, объявляли станции, а Миша всё качался и качался в этом белом пакете, и ничегошеньки, кроме белого, не видел. «Вот как неверно доверять только зрению, – размышлял он. – Предполагать, что ничего не меняется только потому, что ты всё время видишь одно и то же, большое заблуждение».

Миша философствовал в те короткие моменты, когда его оставляла тревога за Машеньку. А брат со своей Нонной... «Лишь бы интернет был там, куда меня несут... Лишь бы, лишь бы...»

Ну конечно, у Оли был интернет! Только вот защита у компьютера барахлила, потому что вечно Оля лазила куда-то не туда и набирала в этих затхлых интернет-местах всякую заразу. Разбираться с завирусованным компьютером звала соседа. И ей это доставляло большое удовольствие. Ведь сосед Андрей боялся её и молча, со вздохом чистил, устанавливал, обновлял – лишь бы не шумела. Он категорически не выносил дамской агрессии. И этим пользовались все, кому не лень.

В квартире неприятно – это Миша ощутил с порога. Тут уж не надо ничего рассматривать и даже нюхать. Какие люди занимают жилище, можно понять и без органов чувств. Есть нечто большее, что заставляет нас безошибочно это определять. Здесь Мишу будто душило. Настолько, что он даже рыкнул. Понял: надо бы удивиться. Ведь его рыкательный аппарат уже лет тридцать не работал. А в Москве взял, да и починился. Вот что значит смена климата!

Оля вытащила медведя за ухо из пакета и бросила на диван: «Остановка конечная, чупа-кабра!» Поставила чайник, включила телевизор, компьютер. Выругалась, увидев зажегшийся ярко-синим экран. И отправилась звать соседа. Именно пошла, не позвонила – хотя и могла бы. Уж очень ей нравилось смотреть, как он слушается.

Глава 5

На самом деле Андрей был не то чтобы послушным, но к своим тридцати пяти годам на редкость замученным. Со стороны всё выглядело геройски и замечательно: он, жена Лариса, пятеро чудесных ребятишек. Но вот беда – их дом не знал мира и покоя. Вместо того чтобы любить, помогать и выручать друг друга, дети ябедничали, ссорились, дрались и перекидывали на чужие плечи порученную работу. Длилось это давно и педагогическими мерами не лечилось, увы. Вот Андрей и пал духом. Жил одним днём, стараясь поменьше находиться в этом бедламе. Мама Лариса обижалась, чувствовала себя несчастной и злой – хотя была счастливой и доброй...

И помочь их беде оказалось некому. Так бывает: даже если вокруг полным-полно людей, это вовсе не значит, что ты им интересен. С появлением каждого нового ребёнка Андрей и Лариса надеялись, что теперь всё изменится, старшие полюбят младших и всем станет хорошо. Не тут-то было. Дети ещё сильнее начинали отстаивать свои права. Старшая Дарья считала, что её задача – хорошо учиться, чтобы впоследствии сделать карьеру и выбраться из семьи подальше. Близнецы Лёша с Кешей вообще ничего не считали, им бело некогда, они ходили на футбол. Пятилетняя Катя часто болела и тогда просила, чтобы мамочка посидела рядом с ней. Ну, а малыш Толик ограничивался ночным плачем и ломанием нужных всем предметов. У Даши он находил, мял и жевал тетради, братьям ухитрялся засунуть в сумку со спортивной формой свой памперс, у Кати отбирал не только её бусики, но и маму... В общем, всё в этой семье давно уже шло наперекосяк.

– Большими индивидуалистами растут наши дети! – вздыхала мама Лариса, гремя тарелками.

Из второй комнаты неслись крики: старшая отчитывала за что-то близнецов, те нагло отвечали.

– Ничего! – вот отдадим эти кредиты, и возьмём тебе посудомоечную машину! – утешал её папа Андрей, возясь с очередным компьютером и успевая выхватить материнскую плату из рук младшенького.

– Это не жизнь... – всхлипнула мама Лариса. – Я забыла, когда чему-то радовалась. К вечеру от усталости я даже забываю, как меня зовут и где я. А ведь я так люблю посидеть и помечтать. Или нарисовать какую-нибудь картинку...

– А это ведь тебе ещё воду носить не надо, бельё в проруби стирать и печку топить, – опять утешил Андрей.

Лариса, вместо того, чтобы обрадоваться, стала греметь посудой громче. Андрей представил, что он маленький и убегает в свой шалаш за прудом. Дочка Катя отрывисто и сухо закашляла.

В этот момент и позвонила к ним в дверь Красавица тысячи кос Оля.

***

Йокин сидел перед компьютером и уже по скайпу уточнял детали. Говорила и сама Маша, и красивая светловолосая женщина. И непонятный зверь Дружок.

Йокина пытались выманить в Москву, но пока он набивал себе цену:

– Там страшно, опасно, пробки, смог и все злые! Аварии, самолёты падают и террористы в метро ездят.

– Дурень! Там же хорошо. Там радостно. Там культура, там всё очень удобно устроено! И совсем не злые все, а добрые и увлечённые. Там же столько всего! Невозможно злым

оставаться. То концерт, то выставка, то лекция, то ярмарка. А какие там плюшки вкусные! И звон – ох, какой колокольный звон стоит, когда у Храма Христа Спасителя идёт снег, по брусчатке маленькой армией бежит в наступление позёмка, а в небе от прожекторов то лилово-прохладно, а то апельсиново-весело! Москва – праздник!!! – мяукал этот взбалмошный тип, похожий расцветкой на пирожное «Старая Рига». Бледно-золотистое, с творожным кремом.

– Ага... Праздник... Пока там не живёшь, – пробурчал Йокин.

Внутри он сразу решил – конечно, поедет! Но снаружи ещё упрямылся.

Вот балбес, не так ли?

Да, скажем теперь пару слов и об остальных – возможно, вы с ними ещё незнакомы. «Остальные» – это хозяйка деда Миши, её зовут Эллочка-Ёлочка. А также элочки-ёлочкин муж. И их сын, хозяин Йокина. Они в нашей истории участвовать не будут, потому что улетели на Рождество в Австралию и ничего про случившееся не знают. А то, что Йокина хозяин не взял с собой, является грубейшим нарушением паучковых прав. Наш малыш Ёки-Пуки не из тех, кто жалуется, но обиду затаил.

Поэтому и решения стал принимать самостоятельно. Его не спросили – и он не будет отпрашиваться. Уедет – и всё! Тем более, не просто так, а Мишу спасти.

Глава 6

В самолёте Ёки-Пуки через стенку своего ящика для путешественников пытался общаться. Голос у другого пассажира был ворчливым и низким, а кто сосед такой, паучок не расслышал.

– Эх, жаль, сами мы летать не можем! – пискнул Йокин.

– Ну да, конечно, ещё чего... – загудело где-то в районе правого бока Йокина. – Летать он не может... А мог бы – и сколько до Москвы крылышками махал? Три года? А это – са-мо-лёт! Не муха. Не устаёт, большую скорость развивает. Понимать надо!

Йокин подумал: «Наверное, бухгалтер! Возможно, бобёр»

Тут знакомый голосишко зазвенел:

– Попрошу не оскорблять! Что за сравнения?!

«Возможно Бобёр» чего-то проворчал, а вот Йокин сильно обрадовался.

– Наша Муха? Ты как сюда попала?

– Всю дорогу на себе вёз, теперь спрашивает! – фыркнула Муха Комнатная. – Я тоже хочу деда Мишу найти.

В рюкзаке у неё было всё, что положено мухам: фонарик, два пистолета, зубная паста, набор открыток с видами Ниццы и кусок кремния на удачу. После того, как найдёт медведя, Муха планировала пересечь в Москве на самолёт до Африки, чтобы встретиться, наконец, с мечтой своей жизни Цэцэ. Если повезёт, взять автограф.

***

Встреча паучка с Машей и остальными прошла в одном из залов ожидания. Дружок исподтишка рассматривал Йокина. «Вот тут бы зашить, тут пришить, тут набить, а в целом – постирать, – думалось ему. – Ладно, со временем сделаем...»

Муха во встрече не участвовала – куда-то делась.

– Я никуда из Москвы не уеду, пока не найду деда Мишеньку! – волновалась Маша.

Психолог Людмила Владимировна опять напоминала про камеры слежения:

– Надо немного подождать результаты. Номер телефона ты свой оставила, тебя найдут и с тобой свяжутся, не беспокойся. В течение двух дней шансов на успех очень много. А сейчас поезжай в гостиницу. Я с тобой Дружка отпущу, будет помогать, если что. Да, Дружок?!

Свалявшийся кот коротко мявкнул, что могло означать и «так точно!», и «мамочки». Впрочем, вырваться не стал.

Усталая Людмила Владимировна уехала к семье. Так и не узнав, о чём рассказала прилетевшая вскоре Муха Комнатная.

А Муха принесла важные новости! Другие мухи Домодедова (было их всего пять, ведь мух в аэропортах не жалуют, к тому же зима) рассказали, что видели, как несут медведя. Большого коричневого медведя-старика. А также рассказали, куда его понесли – к микроавтобусу, на котором было написано «Музей детства», ЦДМ. И адрес: Лубянская площадь. Так-то! На радостях Машенька позвонила Владимиру Евгеньевичу с Нонной. И очень их утешила.

***

Зимой темнеет рано. Но не в морозной Москве, освещённой миллионом фонарей, фар, гирлянд на мостах и роем крупных снежинок, танцующих своё финское танго на площадке длиной от туч до земли. Здесь всё так же светло, как и днём, лишь меняется цвет неба. Поэтому Маше было не страшно, а уж Йокину с Дружком и подавно. Дружок не умолкал ни на секунду. О Москве он знал очень много и обожал этим делиться. Так что и в автобусе, и в метро, и просто на ходу Маша с Йокином получали добрые порции информации. Которой в другое время они бы порадовались, а тут... Ну, терпели и старались не сильно грустить. Всё же Дружок был прирождённым психотерапевтом. Как, впрочем, и всякий другой кот. Особенно плюшевый. Который идеален, так как не дерёт вашу мебель острыми когтями и не вопит среди раннего утра, вызывая на кормёжку.

Итак, путь их лежал в самое медвежье сердце Москвы – Центральный детский магазин, в Музей детства. И, поскольку мы уже подозреваем, что идут они туда зря и Миши там нет, оставим на время эту троицу. И посмотрим, что поделявает сам деда Миша, бестактно названный чупакаброй.

***

В двадцатипятиэтажке на окраине Москвы многодетный отец Андрей пошёл к Оле чинить компьютер и с порога увидел медведя своего детства. Этот медведь и тогда-то был немолод, но годы добавили своё. Однако разве забудешь друга и главного утешителя! Миша защищал его, когда мама задерживалась на работе и всё не шла домой, папа тоже не возвращался, а маленький Андрюша, укрывшись с головой одеялом, брал к себе медведя и представлял, что это его старший брат. И мальчик вовсе не один в пустой квартире, а с этим сильным и весёлым братом. А потом Андрея отвезли к бабушке – «на время», как сказала мама. Мишку с собой взять не разрешили.

Всё. Конец той истории. Когда он вернулся, Миши уже не было. Отца с ними – тоже.

И вот теперь его дорогой друг лежал перед ним, и мордочка у него была всё та же – добрая и терпеливая. Андрей застыл, как истукан, и готов был заплакать. «Этого не может быть», – говорил он себе. Но видел, что медведь – тот самый. Много-много лет он не вспоминал своего Мишу. И теперь чувствовал, что к нему возвращается важная часть души.

– Миша! – он взял его на руки. Медведь положил голову на плечо Андрею и что-то прорычал. Как тогда...

«Красавица тысячи кос» Оля смекнув, что «чупакабра» чего-то стоит, решила набить цену:

– Коллекционный!

Андрей знал Олин характер, поэтому как мог равнодушнее положил Мишу обратно и занялся компьютером. И только всё сделав и напомнив, сколько должна Оля (а она была много должна) предложил обмен.

Вышел он из квартиры счастливый, прижимая медведя к сердцу. Внутри раскрывалось что-то новое и безмятежное. А ничего удивительного – если один почувствовал имя другого, то быть им вместе. Миша тоже был рад избавиться от давившей его атмосферы. Но что ждёт впереди? «Главное – интернет! Лишь бы интернет!» – бормотал он про себя, как заклинание.

Худенькая темноволосая Лариса, похожая на вымотанную погоней лань, рассматривала медведя: во-первых, не слишком чистый. Во-вторых, слишком голый. Но что-то шло от мишки такое приятное... «Свяжу-ка я ему, пожалуй, шапочку!»

И ни за что бы ни призналась, что шапочки она вязала когда-то для своих кукол, а детям – никогда не вязала, потому что куклы – это куклы, а дети – это дети, и с ними ей совсем не до игр и удовольствий. Малыш Толик спал, но дел всё равно по горло. Однако Лариса, вопреки всему, решила заняться этим смешным плешивым медведем. «Вязание – как поездка. Ты вроде бы что-то делаешь, но тебе не надо двигаться. Ты просто сидишь и отдыхаешь. Но при этом совесть твоя чиста. Потому что ты всё же чего-то делаешь, и будут результаты!» Лариса отличалась большой практичностью и полагала, что результат должен быть всегда. А иначе зачем?

И вот она измерила объём Мишкиной башки, усадила медведя на самый высокий шкаф – подальше от детей, пока не мыт, и принялась за вязание. Андрей боялся спугнуть это чудо. Его Лариса не плачет, не ворчит, не кричит, не гремит посудой на кухне, а тихо сидит у окна, набирая петли! И лицо при этом довольное. Андрею так это понравилось, что он на цыпочках прошёл на кухню и решил пересадить фиалки. А это тоже такое дело, что требует тишины и сосредоточения. Вот и дети притихли. Фигурально выражаясь, на семью спустился тихий ангел. Или тихий медведь. Сам же Миша, сидя на шкафу, переживал ужасно: как он отсюда без парашюта? А ему так нужен интернет...

Глава 7

Центральный детский магазин походил на лайнер в самом центре океана Москвы. Его иллюминаторы не светились – было поздно. Или?

– Как закрыт? Как «только в марте откроется»?! А мишку куда понесли? И что нам делать?

Маша так устала, что толком даже волноваться не могла. Охранник лишь смотрел в одну точку. Ему было абсолютно всё равно, чего там эта девочка собирается делать: «Слишком много людей вокруг! Слишком много...» Однако, всё же подсказал: можно зайти завтра к сотрудникам Музея детства. Эти люди готовят большую выставку, и все старые игрушки поступают туда.

– Слона, например, привезли. Большущего!

– А мишку?

– Медведей сюда центнерами тащат. Тут уже полтора года сбор игрушек старых идёт. Письмки! Курьеры! По утрам очередь. Конкурс! У нас же символом магазина будет плюшевый медведь.

Летел снег. Маша, сидя на скамейке меж двух сугробов, соображала. «Центнерами... конкурс... А куда девают тех, кто конкурс не прошёл?»

Йокин, сидя у Маши в варежке, начал проситься наружу, вытаскивая то одну, то другую лапку. Дружок тоже зашевелился в сумке. Идеи, как оказалось, переполняли не только их головы, но и пламенные сердца – ведь хорошая мысль всегда идёт именно от сердца. Так горячо, что и мороз нипочём. Устроившись у Маши на коленях, Йокин с Дружком заговорили:

– А так ли плохо, – (это Дружок), – если ваш медведь станет жителем музея и сможет порадовать большое количество людей – детей в прошлом и в настоящем?

– Это неплохо, если бы мы все вместе решили, что Миша будет служить в музее. И он был бы согласен, и мама. А так получается непонятно... – возразила Машенька.

– Его надо выкрасть! – (это Йокин). – У нас украли – и мы украдем!

– Красть почти никогда нельзя! – сказала Маша. – Только ради спасения чьей-то жизни. А Мише ничего не угрожает. Надо выяснить, почему он сюда попал.

– Собрать информацию, – картаво промяукал Дружок (он на морозе почему-то не ладил со звуком «р»). – Отпустите нас с Йокином в магазин, за ночь мы всё узнаем. Тогда и будем пр-ринимать р-решение. (Кот работал над собой!)

– Мы – разведгруппа! – обрадовался Йокин.

Маша разрешила. Попасть внутрь было несложно – мало ли в любом здании ходов и лазеек для юркого паучка и совсем небольшого игрушечного кота?

Будь внутри свет, Йокин бы восхитился увиденным. Но брести приходилось почти на ощупь, так что всей красоты они не увидели. Сильно выручала Муха Комнатная, летевшая с фонариком. Дружок, хоть и шёпотом, всё-таки не изменял себе: рассказал, что именно здесь впервые в Советском Союзе был пущен эскалатор в общественном здании.

– В 1957 году! – радостно уточнил кот, у которого внутри дат было столько же, сколько шерсти снаружи. А может, и больше. И ведь ничего такого на фабрике игрушек в голову Дружка не вкладывали. Всего набрался сам.

– Ну и где тот эскалатор? – возмутился уставший скакать по ступенькам паучок.

– Мы ж в разведке. Забыл? Неудобства необходимы, – пристыдил кот. А Йокин подумал о Рыбчике. Наверное, все коты скроены на один лад: воспитывают. «Эх, Рыбец, где-то ты сейчас...» То, что это Йокин скроен именно на тот лад, когда всем, вне зависимости от собственного характера, хочется его немножко воспитать – об этом паучок не подозревал. А ведь в большинстве случаев мы сами являемся причиной поведения окружающих.

Батарейки, натерпевшись холода, еле справлялись с обязанностями кормильцев лампочки. Свет тускнел, тускнел... Мутно осветив табличку «Музей детства», погас. Муха Комнатная ругнулась и, сев на что-то мягкое, принялась выбивать искру о корпус фонарика кремнем.

– А что это вы сейчас делаете? – послышался густой незнакомый шёпот.

– Огонь высекаю! – ответила Муха в том же стиле – негромко и солидно.

– Ух ты! – восхитился этот кто-то. – Какая прелесть! А зачем?

– Чтобы было светло! – Муха Комнатная начала немного злиться. Не любила пустых разговоров.

– Я сейчас помогу!

Поверхность под Мухой качнулась и куда-то её повлекла. Вскоре щёлкнуло, и вестибюль перед входом в «Музей детства» осветился сотней маленьких огоньков.

– Огоньки! Слоны! Нас сейчас поймают! – запищал в восторге Йокин. Дружок, не церемонясь, дёрнул напарника за первую попавшуюся лапку и потащил прятаться. Муха же увидела, что сидит на плече небольшого, но всё же вполне увесистого слона, размером с человеческого толстяка.

– Вы из Африки? – решила уточнить Муха. – С Цэцэ, случаем, не знакомы?

– Ну что вы, голубушка, – засмеялся Слон. – Я совершенно местный слон. Африку знаю только в том смысле, что очертания этого континента напоминают мне голову печальной крысы с оторванным ухом. Вернее, с надорванным, ежели за второе ухо принимать Аравийский полуостров...

– Понятно, – вздохнула Муха Комнатная. – Не в курсе... А где тут медведи?

– Пройдёмте в зал, сударыня! Они пока не спят...

И Слон, слегка пригибая голову и помахивая ушами – просто так, подойдя к двери музея, распахнул её. Именно здесь через несколько месяцев раскинется экспозиция, посвящённая самым разным советским игрушкам. А пока те, кто уже вошёл в состав экспонатов, тихонько коротают время до открытия, знакомясь и рассказывая всякие истории. Историй было почти так же много, как и самих игрушек. Истории о взаимной любви детей и всех этих оленят, такс, кукол Оль и Наташ, медведей и собачек, истории о взрослении и ... дальше по-разному. В этот тёмный час, когда строители, оформители и работники музея отправились по домам, некоторые из игрушек вышли из палаток и собрались в кружок у мерцающего лампочками лунохода. Их разговоры то и дело заглушались звуком «пиу-пиу». Но так уж устроены советские луноходы: если светятся, то не молчат.

Прибывших приняли спокойно. Подвинулись, освободили место у огня. Слон даже заходить не стал: уж слишком крупный!

Йокин весь оброс глазами – так ему казалось. Вот-вот, и увидит деда Мишу! А Дружок тем временем разглядывал вообще всех: интересно!

– Тогда вы будете вот за ним! – лисёнок стрельнул косыми ярко-зелёными глазами в сторону медведя. Большого, старого, коричневого советского медведя. Сильно-сильно похожего на деда Мишу. Но только с другим оттенком шерсти. – У нас все новенькие о себе рассказывают! А этого час назад привезли. Из Домодедово.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.